

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 20–28.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 4 (77). P. 20–28.

Научная статья
УДК 930.85
doi: 10.54398/1818510X_2023_4_20

**ЗАГОВОРНЫЕ ПИСЬМА САРАТОВСКОГО СВЯЩЕННИКА
ЯКОВА ЕГОРОВА (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII В.)**

Канатьева Наталья Сергеевна

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, г. Астрахань,
Россия

Nessy71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2326-2540>

Аннотация. Актуальность статьи состоит в первую очередь во введении в научный оборот новых фактических данных о заговорных письмах – атрибутах колдовских практик, использовавшихся в России на протяжении нескольких веков. Цель работы – показать одну из причин, вынуждавших прибегать к подобным формам воздействия, даже среди духовного сословия. Базой для нашего исследования послужили материалы Приложения к «Астраханским епархиальным ведомостям» за 1890 г. Также нами были проанализированы работы русских и советских учёных, историков, филологов и этнографов, посвящённые феномену отречённого чтения в русском обществе XVII–XVIII вв. В статье применены компаративный, аналитический и интерпретативный методы научного исследования. Основные выводы состоят в констатации того, что заговорные письма и прочие колдовские атрибуты являлись достаточно распространённым и ординарным элементом, «яркой бытовой чертой» повседневной жизни русского общества, как в конце XVII в., так и столетие спустя; духовные лица, являясь частью общества, также использовали, распространяли и даже создавали заговорные письма. Побудительными мотивами подобного отношения к колдовским атрибутам могли быть как внутрисословные интриги, так и элементарное невежество, и бытовая неразборчивость.

Ключевые слова: заговорные письма, колдовские практики, отречённое чтение, духовное сословие, приходское духовенство, игумен, благочинный, епитимия, преступления духовного характера, чернокнижие

Для цитирования: Канатьева Н. С. Заговорные письма саратовского священника Якова Егорова (первая четверть XVIII в.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 20–28. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_4_20.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**CONSPIRACY LETTERS OF THE SARATOV PRIEST YAKOV EGOROV
(THE FIRST QUARTER OF THE 18th CENTURY)**

Natalia S. Kanatyeva

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia
Nessy71@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2326-2540>

Abstract. The relevance of the article, first, consists of the introduction into scientific circulation of new factual data about conspiracy letters – attributes of witchcraft practices used in Russia for several centuries. The purpose of the work is to show one of the reasons that urged to use such forms of influence, even among the clergy. The sources for the article were materials of the Appendix to the Astrakhan Diocesan Gazette for 1890 as well as the Russian and Soviet scientists, historians, philologists and ethnographers' works devoted to the phenomenon of renounced reading in Russian society of the 17th–18th centuries. The article includes comparative, analytical and interpretive methods

of scientific research. The key takeaways are that conspiracy letters and other witchcraft attributes were fairly common and ordinary elements, a so-called "bright household feature" of the Russian society's daily routine at the end of the 17th century and a century later. Being a part of society, clerics also used, distributed and even created conspiracy letters. The incentives for such an attitude to witchcraft attributes could be inner estates intrigues as well common ignorance and everyday promiscuity.

Keywords: conspiracy letters, witchcraft practices, renounced reading, clergy, parish clergy, abbot, dean, penance, spiritual crimes, sorcery

For citation: Kanatyeva N. S. Conspiracy letters of the Saratov priest Yakov Egorov (the first quarter of the 18th century). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 4 (77), pp. 20–28. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_4_20.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Заговорные письма, или заговоры, – это та часть дохристианских верований, которая оставалась в русском народе, невзирая на тысячелетия, прошедшие после крещения Руси. Как писал московский историк и архивист А. А. Булычев, «несмотря на частую апелляцию к Богу, Божьей Матери или Небесным силам, “заговорное письмо” всецело принадлежит потаённому миру славянского язычества, отчего его обнаружение всегда рассматривалось как явное преступление против христианской веры» [5, с. 111–120].

Нахождение или даже подозрение в наличии или использовании заговорных писем относилось к преступлениям духовного характера наряду с колдовством, наведением порчи и т. п. и жестоко наказывались. А. А. Топорков и А. В. Чернецов отмечали: «Сведения о сожжении колдунов и ведьм на Руси известны с XIII в. Законы против чародейства применялись до второй половины XVIII в. Да и позднее заподозренным в колдовстве мог угрожать крестьянский самосуд» [14, с. 16]. С 1654 г. царь Алексей Михайлович своим указом перевёл ведение подобных дел – «еретические дела и заговоры, и коренья, и травы» [14, с. 605] – в Патриарший Разряд, т. е. отдал их под юрисдикцию Церкви.

Заметим при этом, что «во многих народных заговорах содержатся обращения к персонажам христианской мифологии» [14, с. 16], но «обращение к христианским ценностям носит в них такой характер, что это вызывало негодование духовенства» [14, с. 16]. Топорков и Чернецов называли это «чудовищной профанацией», которой «подвергались христианские святыни, превращаясь в заговорах в магические средства, пригодные для достижения самых обыденных и даже низменных целей» [14, с. 16]. Авторы утверждали, что сами клирики воспринимали «это причудливое смешение христианства и суеверия» вполне определённым образом, сугубо отрицательно, в то же время проявляя себя «квалифицированными и бдительными ревнителями чистоты православия» [14, с. 18].

Тем интереснее тот факт, что, по словам петербургского историка и этнографа Т. В. Михайловой, «таких дел, когда священнослужители обвиняются в колдовстве, в хранении или списывании волшебных тетрадок и заговорных писем, хранении в своих домах отречённой литературы довольно много, большое число колдовских дел в изучаемый период (вторая половина XVIII в. – прим. Н. К.) возбуждается именно в среде духовенства» [12]. В своей обширной статье «Приходское духовенство и колдовская практика» Михайлова приводит более пятнадцати примеров уголовных дел, возбуждённых в отношении духовных (действующих и будущих) лиц разного ранга – священников, диаконов и семинаристов. Заметим, что у потенциальных колдунов поповского сословия была разнообразная специализация – от написания заговорных писем и лечения травами до наведения и снятия порчи.

Объяснение столь широкому распространению преступлений духовного характера именно в клерикальной среде Михайлова видела в нескольких причинах, в том числе в конкурентной борьбе за места приходских священников, а также в принадлежности священнослужителей к грамотной, «книжной» части общества, по-видимому, потенциально склонной к колдовству. Кроме того, Михайлова справедливо замечала, что «приходской священник ... жил в том же круге представлений, что и его паства, и не следует видеть непроходимой пропасти между его сознанием и сознанием остальных членов общины» [12]. Вспомним, что знаменитый русский этнограф и фольклорист Е. Н. Елеонская считала тогдашний быт таковым, когда «заговор был неотъемлемой принадлежностью» [6, с. 54] его. Топорков и Чернецов также признавали, что «русские священнослужители могли иметь непосредственное отношение к этому ... виду колдовства» [14, с. 18].

Нами исследованы факты обнаружения заговорных писем, в частности у провинциального священника Егорова, ходе следствия по делу и наказании виновных. Основой для нашей работы послужили материалы Приложения к «Астраханским епархиальным ведомостям» за 1890 г. Также мы провели анализ работ русских и советских учёных, историков, филологов и этнографов, посвящённых феномену отречённого чтения в русском обществе XVII–XVIII вв. В статье применены компаративный, аналитический и интерпретативный методы научного исследования.

Основная часть

Дело саратовского священника Якова Егорова, опубликованное в Приложении к «Астраханским епархиальным ведомостям» в 1890 г. [3, с. 567–576], нельзя объяснить ни конкурентной борьбой между клириками за место в приходе, ни подозрением в исполнении колдовских практик. Яков Егоров был уличён в хранении и использовании заговорных писем, наказан выведением из священства и поркой плетьюми благодаря своей беспечности, недалёковидности и склонности к пьянству; ни внутрисловных интриг, ни чернокнижия инкриминировать ему не удалось.

Всё началось 2 августа 1721 г., когда диакон саратовской Николаевской церкви Петров подал донос на Егорова игумену Стахию, который, как следует далее из текста документа, помимо управления саратовским Четырёхсвятским монастырём, исполнял обязанности благочинного. (Благочинный – административно-судебное должностное лицо православного духовенства, особый надзиратель в помощь правящим архиереям. В круг обязанностей благочинного входило, среди прочего, право суда по таким спорным делам и жалобам между духовными лицами или между ними и прихожанами, которые могли быть окончены примирением, или по таким проступкам духовных лиц, которые по закону не требовали формального судопроизводства и могли быть устранены мерами увещания, выговоров, внушений и т. п. Священников он имел право штрафовать внушением при причте, а диаконов и причетников, кроме того, и земными поклонами в церкви [4].) В доносе было сказано, что накануне, 1 августа 1721 г., некий Борис, придя в Николаевскую церковь, заявил «про попа Якова Егорова, что ходит в суд с заговоришными письмами, которые носит на гайтане в коженном кошельке, и никто де ево, попа Якова, потягать не может, а и теперь де оныя заговорныя письма лежат у него, попа, в коробке» [3, с. 567]. Игумен Стахий не стал медлить и в тот же день «определил: доношение в книгу записать, а попа Якова сыскав освидетельствовать и допросить» [3, с. 568]. Поп Яков Егоров был «сыскан» и подвергнут личному досмотру в Духовном приказе тремя священнослужителями: дьяконом Василием Васильевым, дьячком Петром Антоновым и пономарём Василием Петровым. Результат обыска подтвердил донос: «на оном попе крест, а у креста прилеплён воск белый, да на нём же явилось на гайтане в крашеннином мешечке тетрадка заговорная с написанными тремя кресты да на столпчике написаны пять заговоров на пятьсот тридцать человек с тремя же кресты» [3, с. 568].

Допрошенный Егоров рассказал, что эти письма и заговоры он получил от жены саратовского урядника Василия Зверева, Татьяны Никифоровны, совсем недавно, в семик (седьмой четверг после Пасхи, за три дня перед Троицей; практически всегда

выпадает на июнь. – *прим. Н. К.*), успев за прошедшие два месяца прочитать их трижды. При этом Егоров утверждал, что «списков с оных заговоров он, поп Яков, никому не даывал» [3, с. 568]. Кроме того, Егоров не знал, откуда упомянутая Зверева взяла эти письма, но был уверен, что они принадлежали её мужу-уряднику. На вопрос, зачем же он носил их на себе и, более того, явился с ними в благочиние, Егоров отвечал: «спроста, для того, что с ними спал, а божественныя де службы с ними николи не действовал» [3, с. 568].

Разумеется, игумен Стахий потребовал разыскать жену саратовского урядника Звереву, и 3 августа в Саратовскую канцелярию (так в тексте. – *прим. Н. К.*) майору Мечеву был послан запрос. Стахий ждал ответа до 13 августа, но так и не дождался. Ему донесли, что, по слухам, Зверева давно скрылась из Саратова. Тогда Стахий, по-видимому, осознав, что на месте дело закрыть не удастся, отправил письмо владыке, преосвящённому Иоакиму, епископу Астраханскому и Терскому (годы епископства – 1716–1723) – первому епископу после митрополитов на этой должности, назначенному вследствие продолжавшейся политики Петра I по сокращению расходов на духовенство [1]. (Саратовская епархия была создана в 1799 г. В рассматриваемое время территория входила в состав Астраханской и Терской епархий [1]. – *прим. Н. К.*) В письме, посланном с «нарочным посыльщиком», дьяком саратовского Воздвиженского монастыря Иваном Моженцовым, Стахий, помимо существа дела, отметил, что поп Яков Егоров всё это время содержался под стражей в Духовном приказе. Кроме того, Стахий отослал Иоакиму и заговорные письма, в том самом «мешечке», в котором Егоров носил их на себе. Игумен смог определить (что косвенно указывает на его опыт в подобных делах. – *прим. Н. К.*) назначение каждого из заговоров, отобранных у Егорова: «на тетрадке – от суда, а на столбчиках – от огненного оружия» [3, с. 569].

Иоаким, как видно далее из материалов дела, получил письмо игумена Стахия в сентябре и также потребовал разыскать и допросить Звереву. Касательно попа Якова Егорова Иоаким решил, что того вполне можно отпустить на поруки из заключения в Духовном приказе, но при этом за него должны свидетельствовать «добрые люди». Кроме того, Егорову было запрещено отправлять «божественныя службы». Также, по мнению Иоакима, следовало ещё раз допросить Егорова обо всех обстоятельствах получения им заговорных писем, но сделать это надо было «в святом олтари у престола пред Святым Евангелием и животворящим крестом отца ево духовнаго» [3, с. 570]. По окончании же допроса и следствия Иоаким потребовал доставить попу Егорова в Астрахань.

Заметим, что в период пребывания Иоакимом, митрополитом Астраханским и Терским, это было как минимум второе дело, в котором были замешаны заговорные письма. За два года до происшествия с попом Егоровым, в 1719 г., Московский Преображенский приказ «расследовал “Секретное дело по ложному извету астраханского подьячего Григория Емельяновича Кочергина на пятнадцатилетнего Ивана Васильевича Бабушкина по обвинению в написании письма с проклятием царского величия”». Заговор был следующего содержания: «Лежит дорога, чрез тое дорогу лежит колода, по той колоде идет сам Сатана, несёт кулёк песку да ушат воды, песком ружьё заряжает, водой ружьё заливает, как в ухе сера кипит, так бы в ружьё порох кипел, а он бы, оберегатель мой, повсегда бодр был, а монарх наш царь Пётр буди проклят, буди проклят, буди проклят» [17, с. 11]. Московские следователи выяснили, что дело сфабриковано самим доносителем, подьячим Кочергиным, который сначала продиктовал юному Бабушкину заговор якобы «от ружья», а потом вписал туда проклятье на Петра. Всё это он проделал, чтобы иметь возможность шантажировать отца пятнадцатилетнего Бабушкина, с которым имел конфликт. Злоумышленник был изобличён и наказан очень жестоко; его пятикратно пытали, «рвали ноздри», а затем сослали в Сибирь на вечную каторгу [17, с. 11]. Суровость наказания, разумеется, объясняется посягательством на имя правящего монарха, но, с другой стороны, иллюстрирует серьёзное

отношение к делам подобного рода, где фигурировали бы заговорные письма. Позже мы подробнее остановимся на наказаниях за подобные злодеяния.

Но вернёмся к Якову Егорову и его делу. Параллельно допросам Егорова в алтаре и следствию Духовного приказа шёл розыск неуловимой жены урядника Зверева. За неудачей одного майор Мечев допросил самого урядника. Урядник Зверев заявил, что его жена, во-первых, давно сбежала, и о том даже им было отправлено «челобитье в судных дел Канцелярии», а во-вторых, выдвинул встречное обвинение Егорову в том, что тот «воровал блудно с женою ево» и был застигнут урядником в мае этого (1721 г.) в его, урядника, собственном доме, на постели, и при этом даже были свидетели, подчинённые Зверева «пешие солдаты Гордей Иванов и Алексей Колотиллов» [3, с. 570]. Что же касается заговорных писем, то никаких писем в доме урядника никогда не было, «то де он, поп, мысля воровски сказал на него, Зверева, напрасно по означенной ссоре, что жил де с женою его Зверева блудно» [3, с. 571].

Дело принимало совсем другой оборот, и поп Егоров снова был допрошен, но теперь уже на предмет блудных отношений с женой Зверева. Егоров заявил, что никакого блуда с женою Зверева, Татьяной Никифоровой (имеется в виду Никифоровой дочерью, т. е. отчество. – прим. Н. К.), он никогда не имел, но в постели был действительно застигнут, а произошло это потому, что, придя в гости к вышеозначенной Зверевой, причём вместе с собственной женой-попадьёй, «он, поп, стал быть пьян и дремал уснул на его Зверевой постели, и в то время она же Зверева жена взяла его попову жену ... в гости к соседке своей...» [3, с. 571–572]. Пока женщины были в гостях у соседки, а пьяный Егоров спал в доме Зверева и на его постели, явился сам урядник «и учёл его, попу, соннова бить таволжиною (от названия лугового многолетнего растения с крепким стеблем – “таволга” [10]. – прим. Н. К.) тростью и едва он от него, Зверева со двора ушёл» [3, с. 572]. При этом Егоров ссылался на множество свидетелей его бегства со двора Зверева, соседей урядника и прохожих, которых, по-видимому, привлекло избиение и изгнание духовного лица. Кроме того, Егоров утверждал, что он сразу же доложил о «бое» архимандриту Матвею и иподиакону Степану.

Майор Мечев потребовал разыскать названных Егоровым свидетелей, и они, правда, не в полном составе, но были разысканы и, в общих чертах, подтвердили показания: избиение было, на постели поп лежал один, жены Зверевой в доме не было. Одна из свидетельниц, некая Марья Морозихина, соседка Зверевых, давши клятву на Евангелии, вспомнила и рассказала, что беглая Татьяна Зверева вроде бы отдавала попу Егорову какие-то письма.

В результате всего дознания игумен Стахий принял решение отправить попу Егорова в Астрахань для дальнейшего ведения «подлинного розыскного дела» [3, с. 572]. 16 ноября поп Яков Егоров в колодках был доставлен в Астраханский духовный приказ.

Митрополит Астраханский и Терский Иоаким рассмотрел дело Егорова через месяц, 16 декабря, и принял решение: продолжать розыск Татьяны Зверевой, а Егорова перевести из Духовного приказа в Спасский монастырь, где «велеть держать под крепким караулом и велеть всякую монастырскую работу делать» [3, с. 574]. Вынести ему окончательное наказание Иоаким решил после поимки и допроса Зверевой.

В июне следующего, 1722 г., когда стало ясно, что Татьяны Зверевой найти не удалось, Иоаким «приказал: онова попу Иакова Егорова взяв из монастыря и за правильное его преступление наказав плетми лишить священства и отпустить ево в Саратов за поруками, дабы он в Саратове священные литургии и прочих потреб не отправляли никого не благословлял и в рясе не ходил, также и гуменца (остриженное место на макушке у духовных лиц, символ отречения их от мирских интересов [9]. – прим. Н. К.) не простригал, и быть ему так, якоже простолюдину, и одного смотреть накрепко, а ежели оной поп против вышеописанного явитца в чём противен, и ево за оную противность взяв в Духовный приказ наказать плетми жестоко» [3, с. 574].

В тот же день приговор Иоакима был приведён в исполнение. Егорова наказали плетью и отдали на поруки его родному брату, иеродиакону астраханского Иоанно-Предтеченского монастыря Иосифу, под расписку. Кроме того, в Саратов был послан

указ игумену Стахию, с тем, чтобы Стахий отобрал у жены Егорова ставленную грамоту» (ставленная, ставленая, ставленническая грамота, епистолия составительная, писание ставильное, каноническая грамота – документ, выдаваемый епископом священнослужителю, в удостоверение действительности и правильности его рукоположения, с указанием его степени и принадлежащих ему прав [16]). Таким образом, священства Егоров был лишён.

Наказание для человека, виновного лишь в хранении заговорных писем, да и то на протяжении всего лишь двух месяцев, может показаться излишне суровым – и «жестокое» плети, и низвержение из сана. Тем более что, скорее всего, памятуя наличие родного брата-иеродиакона, Егоров происходил из духовного сословия и вряд ли был приспособлен и обучен другому занятию. Но на самом деле приговор был достаточно мягким, о чём мы можем судить, сравнивая, например, с наказанием, которое получил коломенский диакон Дионисий Фёдоров в 1770 г. Его обвинили в наведении порчи на помещика Чирьева, посредством «в тряпочках разных трав, воска ярого и серого и приговорного письма, ... травы иметь при себе в чистой совести, а с воска умыться» [цит. по: 12]. Чирьев, сложным путём узнав об этом и отобрав колдовские предметы, подал епархиальному архиерею Феодосию, епископу Коломенскому, «челобитную, при которой представил снадобье и письмо» [цит. по: 12], и диакон Дионисий был привлечён к ответственности. В результате расследования (в том числе с применением плетей) вина диакона была доказана. Преосвященный Феодосий, «приняв во внимание, что «дьякон человек худого состояния и худой совести», постановил лишить его сана вовсе «яко неключимого быть в священно-диаконстве», и для «достодолжного за показанное прегрешение Всеблагото Бога умилоствление, послать в Богоявленский Голутвин монастырь к покаянию на год, где при священнослужителях класть ему по 200 поклонов земных на всяк день, кроме воскресных и праздничных, а потом определить в другое село дьячком» [цит. по: 12]. Но приговор Священного Синода, который утверждал наказания священнослужителей, был ещё строже: Дионисия Фёдорова «диаконского чина лишить и, яко светского, отослать в светскую команду, для определения в военную службу» [цит. по: 12].

Можно возразить, что за прошедшие с момента дела священника Якова Егорова полвека наказания за обладание и использование колдовских атрибутов, в том числе заговорных писем, могли ужесточиться. Но из статьи Ю. А. Козловой «Фрагмент колдовского дела XVII в. с цитатами из Кормчей книги 1653 г.» [11, с. 347–355], утверждавшей, что «правовую базу для суда над колдунами создают в основном церковно-правовые источники (кормчие книги, различные церковные грамоты и т. д.)» [11, с. 347], мы видим: «на Руси бытовал обычай, сходный с западноевропейским аутодафе: колдунов, начиная с принятия на Руси христианства, приговаривали к сожжению. Разумеется, во многих случаях русская церковная традиция предполагала для колдунов епитимью (духовно-исправительная мера, направленную на исправление человека [8]. – прим. Н. К.) во всех её различных вариациях, а светская (в особенности в XVII в.) предпочитала по отношению к ним применять ссылку (сказывались необходимость заселения окраин Русского государства и острая нужда в рабочей силе). Вместе с тем, ... нетрудно заметить, что при определении способа наказания за колдовство также могла предусматриваться казнь, типичная для норм византийского права, – казнь мечом» [11, с. 347]. Конечно, Козлова писала о конкретном колдовском деле о богохульстве 1668 г. То есть в конце XVII в. наказания были значительно жёстче и серьезнее; заподозренных и уличённых в колдовстве могли и головы лишить, и на костёр отправить (достаточно вспомнить Квирина Кульмана, сожжённого с собственными книгами на спине в Москве в 1689 г. [15]). Таким образом, этот отрывок позволяет нам сделать вывод о сравнительно нестрогом наказании священника Якова Егорова – ему не отрубили голову, не сожгли, не отдали в солдаты и даже не сослали на окраину. Хотя последнее и не требовалось, т. к. в начале XVIII в. Астрахань, как и Саратов, являлись той самой окраиной, куда могли сослать.

Шесть лет спустя после наказания и низвержения из сана (по-видимому, в тексте документа ошибка в дате, т. к. Яков Егоров не мог подать челобитную Варлааму в 1727 г. – прим. Н. К.) расстриженный священник Яков Егоров подал челобитную на имя Преосвященного Варлаама, сменившего Иоакима на посту астраханского первоиерарха (пребывал на астраханской кафедре с 1728 по 1730 г. [7]. – прим. Н. К.), следующего содержания: «В прошлом 721 г. (так в тексте. – прим. Н. К.) посвящён я был Преосвященным Иоакимом епископом Астраханским в попы в Саратов к Николаевской церкви и жил у той церкви с месяца три, и за некую мою правильную вину отрешён от священства, о чём явствует в Духовном приказе дело. Того ради прошу Вашего Архипастырства, дабы повелено мне было ежели возможно священствовать, за что должен я за Ваше Архипастырство вечно Бога молить. Великий Господин, Преосвященный Варлаам, Епископ Астраханский и Ставропольский, смилуйся пожалуй» [3, с. 575].

Мы можем предположить две причины, по которым Егоров стал ходатайствовать именно в этот период. Во-первых, он мог надеяться, что новый первоиерарх отнесётся к нему мягче, хотя бы по старому обычаю миловать осуждённых в честь восшествия на кафедру. Кроме того, в 1727–1728 гг. «в Астрахани было страшное моровое поветрие, от которого умерло до 18 тысяч человек, в том числе много духовенства» [7]. В отдалённой Астрахани «недостаток [священства] был всегда, а при епископе Варлааме в особенности» [7]. Поэтому Егоров вполне мог рассчитывать на благоприятную реакцию на свою челобитную. Но увы, епископ Варлаам вошёл в историю Астраханской епархии как человек, который был «настойчив и строг», относился к священству весьма сурово и закончил тем, что после развязанной им борьбы с католическим патером Яганом Баптистом (так в тексте. – прим. Н. К.) был удалён из Астрахани в Переяславль. Такой человек не мог посочувствовать бывшему священнику Егорову, и на его челобитную была наложена следующая резолюция: «1727 года октября в 20 день Великий Господин, Преосвященный Варлаам епископ Астраханский и Ставропольский, слушав вышеописанного челобитья запрещённого попа Иакова Егорова и прежнего дела его и заговорных писем, о которых он, Яков, в прежнем деле в допросе показал, что оные заговоры читал трижды, и на себе носил, и с ними спал, приказал ему, Якову, по прежнему на оном ево деле приговору прежде бывшего в Астрахани Преосвященного Иоакима епископа о нём, никогда не священнодействовать и попом не называтца под жестоким наказанием, и сей приговор записать в книгу» [3, с. 575–576].

Нам неизвестна дальнейшая судьба незадачливого Егорова, пробывшего священником всего три месяца и лишившегося сана из-за ношения на себе заговорных писем. Следует только добавить, что самих писем в деле не было, как не приводились они и в Приложении, и этому есть объяснение: как писала Елеонская, «Письменные заговоры отнимались у обвинённых и прикладывались к судному делу, но так как окончательный приговор обрекал их на уничтожение, то значительное количество их (судя по делам о волшебстве) пропало бесследно» [6, с. 58]. Далее Елеонская завершала: «Семнадцатый век в своей истории колдовства и заговора на Руси может считаться последним временем их значительности. Заговор – эта яркая бытовая черта всего русского общества XVII в. – постепенно тускнеет, и рамки его распространения суживаются» [6, с. 62].

Выводы

Итак, история заговорных писем священника Якова Егорова (первая четверть XVIII в.) позволяет нам сделать следующие выводы. Заговорные письма и прочие колдовские атрибуты являлись достаточно распространённым и ординарным элементом, «яркой бытовой чертой» повседневной жизни русского общества, как в конце XVII в., так и столетие спустя.

Духовные лица, являясь частью общества, также использовали, распространяли и даже создавали заговорные письма. Побудительными мотивами подобного отношения к колдовским атрибутам могли быть как внутрисословные интриги, так и элементарное невежество, и бытовая неразборчивость.

Наказания за занятие колдовскими практиками, в том числе создание, хранение и использование заговорных писем, находились в юрисдикции Церкви, а позднее и Священного Синода; были чрезвычайно суровыми, практически всегда включая физическую экзекуцию, от смертной казни до порки плетью. Если преступник относился к духовному сословию, то, помимо прочего наказания, он лишался сана.

Некоторые исследователи, в частности Е. Н. Елеонская, утверждали, что период широкого распространения заговорных писем закончился к началу XVIII в. Тем не менее история саратовского священника Якова Егорова показывает, что и в первой четверти XVIII в. дела подобного рода не являлись чем-то исключительным.

Список литературы

1. Астраханская епархия. – URL: <https://drevo-info.ru/articles/5997.html> (дата обращения: 29.03.2023).
2. Астраханская и Енотаевская епархия. – URL: <https://ast-eparhia.ru/> (дата обращения: 29.04.2023).
3. Астраханские епархиальные ведомости. Приложение. – 1890. – С. 567–576.
4. Благочинный. – URL: <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/012/12628.htm> (дата обращения: 07.04.2023).
5. Булычев, А. А. Два розыска о «заговорных письмах» во второй четверти – середине XVII столетия (по материалам Разрядного приказа) / А. А. Булычев // Труды Отдела древнерусской литературы. – Санкт-Петербург, 2016. – [Т. 64]. – С. 111–120.
6. Елеонская, Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России / Е. Н. Елеонская. – Москва : Индрик, 1994. – 272 с.
7. Епископ Варлаам. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/arhierei-astrahanskoj-eparhii-za-300-let-ee-sushhestvovaniya-s-1602-do-1902-goda/14 (дата обращения: 08.09.2023).
8. Епитимия. – URL: <https://azbyka.ru/epitimiya> (дата обращения: 07.09.2023).
9. Значение слова «гуменец». – URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/гуменец> (дата обращения: 10.04.2023).
10. Значение слова «таволга». – URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/таволга> (дата обращения: 09.04.2023).
11. Козлова, Ю. А. Фрагмент колдовского дела XVII в. с цитатами из Кормчей книги 1653 г. / Ю. А. Козлова // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2000. – (Проблемы истории России. Вып. 3). – С. 347–355.
12. Михайлова, Т. В. Приходское духовенство и колдовская практика / Т. В. Михайлова. – URL: <http://anthropology.ru/ru/text/mihaylova-tv/prihodskoe-duhovenstvo-i-koldovskaya-praktika> (дата обращения: 09.09.2022).
13. Николай (Ярушевич Б. Д.). Церковный судъ въ Россіи до изданія Соборнаго уложенія Алексея Михайловича (1649 г.): Опыт изучения вселенских и местных начал и их взаимоотношений в древнерусском церковном суде) / Иером. Николай (Б. Д. Ярушевич). – Петроград : [Синодальная тип.], 1917. – 666 с.
14. Отречённое чтение в России XVII–XVIII вв. / под ред. А. Л. Топоркова, А. А. Турилова. – Москва : Индрик, 2002. – 584 с. – (Традиционная духовная культура славян. Публикация текстов).
15. Розыскное дело иноземцев пастора Квирина Кульмана и Кондрата Нордермана о издании ими развратных о квакерской вере книг и о сожжении в Москве первого [рукопись]. – URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-37-2/> (дата обращения: 13.09.2023).
16. Ставленная грамота. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/polnyj-pravoslavnyj-bogoslovsko-entsiklopedicheskij-slovar/3071> (дата обращения: 10.04.2023).
17. Щербинина, Ю. В. Злоречие. Иллюстрированная история / Ю. В. Щербинина. – Москва : Неолит, 2019. – 624 с.

References

1. *Astrakhanskaya eparkhiya* [Astrakhan diocese]. Available at: <https://drevo-info.ru/articles/5997.html> (accessed: 29.03.2023).
2. *Astrakhanskaya i Yenotaevskaya eparkhiya* [Astrakhan and Enotaevsk diocese]. Available at: <https://ast-eparhia.ru/> (accessed: 29.04.2023).
3. *Astrakhanskije eparkhialnye vedomosti. Prilozhenie* [Astrakhan diocesan statements. Application]. 1890, pp. 567–576.
4. *Blagochinnyy* [Dean]. Available at: <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/012/12628.htm> (accessed: 07.04.2023).
5. Bulychev, A. A. Dva rozyska o “zagovornyykh pismakh” vo vtoroy chetverti – seredine XVII stoletiya (po materialam Razryadnogo prikaza) [Two searches for “conspiracy letters” in the second quarter-middle of the 17th century (based on materials from the Rank Order)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg; 2016, [vol. 64], pp. 111–120.
6. Yeleonskaya, Ye. N. *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii* [Fairy tale, conspiracy and witchcraft in Russia]. Moscow: Indrik; 1994, 272 p.
7. *Yepiskop Varlaam* [Bishop Varlaam]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/arhierei-astrahanskoj-eparhii-za-300-let-ee-sushhestvovaniya-s-1602-do-1902-goda/14 (accessed: 08.09.2023).
8. *Yepitimiya* [Penance]. Available at: <https://azbyka.ru/epitimiya> (accessed: 07.09.2023).
9. *Znachenie slova “gumenets”* [The meaning of the word “humenets”]. Available at: <https://kartaslov.ru/znachenie-slova/gumenets> (accessed: 10.04.2023).
10. *Znachenie slova “tavolga”* [The meaning of the word “tavolga”]. Available at: <https://kartaslov.ru/znachenie-slova/tavolga> (accessed: 09.04.2023).
11. Kozlova, Yu. A. Fragment koldovskogo dela XVII v. s tsitatami iz Kormchey knigi 1653 g. [Fragment of witchcraft in the 17th century. with quotes from the Helmsman’s book of 1653]. *Novgorodskaya Rus: istoricheskoe prostranstvo i kulturnoe nasledie* [Novgorod Rus: historical space and cultural heritage]. Yekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii; 2000, pp. 347–355.
12. Mikhaylova, T. V. *Prihodskoe dukhovenstvo i koldovskaya praktika* [Parish clergy and witchcraft practice]. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/mihaylova-tv/prihodskoe-duhovenstvo-i-koldovskaya-praktika> (accessed: 09.09.2022).
13. Nikolay (Yarushevich B. D.). *Tserkovnyy sud v Rossii do izdaniya Sobornago ulozheniya Alekseya Mikhaylovicha (1649 g.): Opyt izucheniya vselenskikh i mestnykh nachal i ikh vzaimootnosheniy v drevne-russkom tserkovnom sude* [Church court in Russia before the publication of the Council Code of Alexei Mikhailovich (1649): Experience in the study of ecumenical and local principles and their relationships in the ancient Russian church court)]. Petrograd: [Sinodalnaya tip.]; 1917, 666 p.
14. *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vv.* [Renunciation reading in Russia in the 17th–18th centuries]. Ed. by A. L. Toporkov, A. A. Turilov. Moscow: Indrik; 2002, 584 p.
15. *Rozysknoe delo inozemtsev pastora Kvirina Kulmana i Kondrata Nordermana o izdani imi razvratnykh o kvakerskoy vere knig i o sozhzhenii v Moskve pervogo [rukopis]* [The investigation of the foreigners Pastor Quirin Kulman and Kondrat Norderman about their publication of depraved books about the Quaker faith and the burning of the first one in Moscow [manuscript]]. Available at: <https://libfond.ru/lib-rgb/256/f-256-37-2/> (accessed: 13.09.2023).
16. *Stavlenaya gramota* [Placed Charter]. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/polnyj-pravoslavnyj-bogoslovsko-entsiklopedicheskij-slovar/3071> (accessed: 10.04.2023).
17. Shcherbinina, Yu. V. *Zlorechie. Illyustrirovannaya istoriya* [Evil speech. Illustrated history]. Moscow: Neolit; 2019, 624 p.

Информация об авторе

Канатьева Н. С. – кандидат биологических наук, магистр истории, доцент.

Information about author

Kanateva N. S. – Candidate of Biological Sciences, Master of History, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.